

Участие молодежи в протестных акциях в современной России как способ самоидентичности

Аюшеева Д. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; dayusheeva@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматривается протестное настроение среди российской молодежи, а также его роль в самоидентификации и политическом определении в среде людей в возрастных группах от 16 до 30 лет. Цель: показать отношение к протестным акциям молодежи, а также уровень участия в них. В работе были использованы готовые статистические данные, проведенные ВЦИОМ и ЦЭПР — ведущими аналитическими центрами России. Образ молодежи представлен через призму социально-психологической группы. Результаты: роль протестов оказывает существенное влияние на развитие страны и возможности дальнейшей разработки государственной политики по коммуникациям с молодежью. В статье обсужден актуальный вопрос политической идентичности молодежи, реализуемой посредством участия в протестных акциях. Рассмотрены причины возникновения протестного движения в России и указан ряд мероприятий, в которых принимало активное участие молодое поколение России. Главными причинами, побуждающими молодежь действовать, являются проблемы в таких сферах жизни, как социальная, экономическая и правовая. Менее всего интересны проблемы в правоохранительных структурах, а также национальные и религиозные сферы. Выводы: необходимо выделять больше финансовых средств и человеческих ресурсов на молодежную политику, для обеспечения реализации прав и интересов молодого поколения России.

Ключевые слова: протесты, молодежная среда, активная молодежь, идентичность, политика, политическое участие

Participation of Youth in Protest Actions in Modern Russia as Way of Self-identity

Darima A. Ayusheeva

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEP), Saint-Petersburg, Russian Federation; dayusheeva@yandex.ru

ABSTRACT

This article is about protest sentiments of young generation in Russia and its self- and political identity in the age group between 16–30. The aim of this article is to show the relation of young people to protest actions and their participation in it. Statistics are taken from the All-Russian Public Opinion Research and the Economic and Political Realignment Centers; these are the leading analytical organizations in Russia. The Character of young people is shown from the perspective of social and psychological groups. As a result, protests affect the most on national development and future national communication policy in cooperation with young people. The article considers relevant questions of youth's political identity, realized through participation in protest actions, realizes reasons for protest actions, and gives us a list of events, participated by young people in Russia. The main reasons for active participation are problems in such life spheres as social, economic and legal. It also should be mentioned their fewer concerns in law enforcement agencies, national and religious spheres. Therefore, it is necessary for the government to spend more finances and human resources on youth policy to accomplish the rights and interests of Russian young generation.

Keywords: protests, youth environment, active youth, identity, politics, political participation

Сегодня распространено мнение, что граждане постсоветской России пассивны в отношении политики и склонны более поддерживать «сильную авторитарную власть», нежели демократические способы управления. Политическое участие и вовлечение граждан в политику в России находится на низком уровне. Многие исследователи называют граждан России аполитичными. Самой массовой формой политического участия граждан является участие на выборах, однако, явка на выборах различного уровня остается низкой. Многие исследователи отмечают, что сложилась ситуация деполитизации, протекающая с начала 1990-х годов и связанная с разочарованием в публичной политике, поэтому гражданское общество, отрицающая власть и идеологию коммунистического режима, одновременно отвергло публичную сферу и коллективные действия.

Россия традиционно является страной с низким уровнем протестной активности. Принято считать, что способность к массовой мобилизации и протестам граждане продемонстрировали дважды: в период перестройки, когда массовые действия привели к распаду Советского Союза, и акции 2011–2012 гг., когда граждане вышли на улицы с призывами «За честные выборы». Тем не менее Россия сохраняла низкий уровень социально-экономического протеста в сравнении с международными показателями. Объяснить это можно тем, что не произошло формирование организаций, способных к мобилизации масс и последующей протестной активности. Для формирования подобных организаций необходимо существование различных структур коммуникации между единомышленниками, где была бы налажена координация действий. С приходом новых политических акторов и последовавшей смене политического курса спад в экономике прекратился, за чем последовал бурный рост. Поэтому можно судить о том, что основания для массовых протестных акций, связанных с несогласием с политическим и экономическим курсом, снизились. Исключением являются лишь протестные акции 2005 г., связанные с «монетизацией льгот». Таким образом, можно говорить, что до политизации 2011–2012 гг. преобладающим способом выражения несогласия в обществе был деполитизированный протест. То есть коллективные действия в деполитизированном обществе возникают лишь в качестве ответа на ряд вопросов, затрагивающих напрямую повседневную жизнь индивидов. Так, исследовательница Карин Клейман выделяет три проблемы, способные мобилизовать аполитичное российское общество: льготы, жилье и оплата труда [2].

Негативный характер посткоммунистической деполитизации способствовал консолидации режима, так как авторитарный режим существует не столько за счет массовой поддержки, сколько на массовом равнодушии отказа от участия в политической жизни страны. В последние годы можно проследить тенденцию снижения уровня доверия населения к политическим институтам и акторам [1]. В качестве доказательства можно привести статистику Всероссийского центра изучения общественного мнения, в частности, индекс доверия к действующему президенту В. В. Путину постепенно снижается, а индекс недоверия к председателю правительства Д. А. Медведеву растет¹. В последние годы можно наблюдать рост социальной напряженности и протестной активности граждан. Отражением недоверия граждан политическим институтам, к конкретным акторам и ростом социальной напряженности являются протестные акции 2011–2012 гг., напрямую они не затрагивали личные интересы граждан, однако по своей массовости были одними из самых многочисленных за всю историю современной России.

Ситуация начала меняться к декабрю 2011 г., и связано это было с выборами в Государственную Думу и выборами президента России. Несмотря на то что исход выборов был крайне благоприятный для действующей политической элиты, уровень

¹ Доверие политикам [Электронный ресурс] // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: https://wciom.ru/news/ratings/doverie_politikam/ (дата обращения: 05.03.2019).

массовой политической поддержки режима постепенно снижался. Более того, недовольство результатами переросло в самые массовые протестные акции за последние несколько лет. В период протестной активности 2011–2012 гг. удалось мобилизовать массы для участия в массовых акциях, а также выявить новые каналы рекрутинга, в частности, интернет. Тем не менее протестные акции показали свою низкую эффективность с точки зрения воздействия на политические институты и на ситуацию в целом. Поэтому численность участников протестных акций пошла на спад, и вскоре акции прекратились.

В этой связи протесты 2017 г. являются особенно интересным событием, так как они бросили вызов тотальной деполяризации, мобилизовав человеческие ресурсы, что является само по себе феноменом для системы электорального авторитаризма. Высокий уровень вовлечения народных масс в протестные акции демонстрировал идею о том, что политическая активность является не бессмысленным действием, а выражением собственного мнения и несогласия с проводимым политическим курсом.

О причинах начала массовых протестов 2017 г. высказывались различные точки зрения и предположения. Одни говорили о кризисе легитимности власти и устойчивом снижении рейтингов первых лиц государства, другие связывали это с запросом на политические изменения. Помимо долгосрочных причин и длительных тенденций, имели место и ситуативные факторы, ставшие триггерами мобилизации народных масс. 2017 г. стал знаменательным на массовые акции: протестные акции в Санкт-Петербурге против передачи Исаакиевского собора Русской Православной Церкви; федеральные антикоррупционные митинги, самые многочисленные за последние десятилетия; акции против реноваций в Москве; акции «За свободный интернет» и другие менее многочисленные акции.

Не последнее значение в подъеме протестной активности и проведении самых многочисленных митингов имело обнародование расследования ФБК о коррупционных связях Председателя Правительства РФ, запустившее волну негодования и несогласия внутри гражданского общества и заставившее выйти на улицу даже тех, кто ранее не принимали участия в массовых демонстрациях, в частности, группу граждан, которую принято называть «молодежь»¹. Немаловажно и то, что свидетельства коррупционного факта являются довольно противоречивыми. Однако высокий уровень коррупции на всех уровнях превратил протест в легитимный, предоставляя протестующим площадку для выражения своей позиции. То есть протесты стали уникальным событием, которое не просто послужило поводом для выражения уже накопившегося недовольства, но и стало самостоятельной мобилизующей повесткой. Кроме того, можно упомянуть и о том, что предпосылками протестной активности были и ряд структурных факторов и тенденций, таких как падение уровня доходов населения, экономический кризис, политическое противостояние России и Запада, недовольство проводимым политическим курсом в стране и ужесточением режима².

Одним из основных участников протестов являются представители молодежной среды, для которых характерна множественная политическая самоидентификация. Политическую идентичность можно описать как особый вид социальной идентичности, направленный на самоопределение индивида в политическом плане через идентификацию с политическими институтами и предполагающий участие индивидов в политическом процессе [6].

¹ Молодежный протест: причины и потенциал [Электронный ресурс] // Центр экономических и политических реформ (ЦЭПР). URL: <http://cepr.su/2017/05/18/российская-молодежь/> (дата обращения: 05.03.2019).

² Протестная активность в III квартале 2017 года: рост на 60% [Электронный ресурс] // Центр экономических и политических реформ (ЦЭПР). URL: cepr.su/wp-content/uploads/2017/11/протестная-активность-россиян-в-iii-квартале-2017-года-pdf (дата обращения: 08.03.2019).

В настоящее время молодое поколение России проявляет интерес к процессам, происходящим как внутри страны, так и за ее пределами, такой интерес можно рассматривать со стороны государства и гражданского общества. Молодежь выражает свою политическую идентичность посредством участия в политических организациях, будь то политические партии, выборы, массовых протестных акциях, пропаганда политических идей и ценностей. Необходимо принять во внимание, что политическая идентичность молодежи может быть использована для подрыва сложившегося гражданского общества. Дестабилизация стран Ближнего Востока, цветные революции — наглядный пример распространения радикального настроения молодого поколения. На государственном уровне следует закрепить меры, препятствующие противоправным действиям, направленным на молодежь. В связи с этим молодежная политика должна осуществлять поддержку комплексного формирования сознания молодежи. Президент Российской Федерации Владимир Путин подтвердил важность осуществления молодежной политики: «Когда мы говорим о молодежной политике, то имеем в виду целый комплекс экономических, социальных вопросов, проблем демографии, науки, образования, жилищной политики... Это продолжение нашей стратегической линии на инвестиции в человеческий капитал. Это наиболее динамичная и в то же время наиболее уязвимая часть общества. С одной стороны, она способна на многое. Может сделать страну по-настоящему успешной и конкурентоспособной, но требует поддержки, поощрения, создания здоровой жизненной среды и надежных социальных гарантий... Необходимо снять все барьеры для роста, карьерного продвижения молодежи в бизнесе, системе госуправления, в науке, предоставить ей широкие возможности для личностной и профессиональной самореализации»¹. Однако вопрос заключается в том, почему именно коррупционная составляющая российской политической системы стала отправной точкой для массовых акций протеста. Можно привести два довода для ответа на данный вопрос. Во-первых, факт о возможном коррупционном деле Председателя Правительства РФ стал не столько предлогом для выражения массового недовольства, сколько событием (в условиях застойной политической системы), которое мобилизовало тех, кто в иной ситуации вряд ли бы стал участников протестной акции. Во-вторых, благодаря усилению позиций несистемной оппозиции и электронных медиа, информация получила широкое распространение, и для многих митингующих стало делом «чести». То есть сработало чувство оскорбленного достоинства, вызванное неоправданно роскошным образом жизни премьер-министра в условиях экономического кризиса и его призывом к «затягиванию поясов».

Поэтому, говоря об актуальности темы, можно прежде всего сказать, что сам политический контекст создает повестку для исследователей. В качестве доказательства можно привести исследование ВЦИОМ, которое проводится каждый месяц и фиксирует рост протестных настроений в России. Эмпирической базой для исследования служат экспресс-опросы, проводимые в 146 населенных пунктах России и строящиеся на показателях удовлетворенностью жизнью, социального оптимизма, материального положения, экономического положения страны, политической обстановки и общего вектора развития страны. Так был зафиксирован рост протестных настроений в 2017 г. по сравнению с предыдущими годами².

Тема протестов в России не нова по своей сути. Анализом общественных движений, в частности протестных, занимались многие политологи и социологи. Наиболее

¹ В.В. Путин о молодежной политике [Электронный ресурс] // Центр молодежных и предпринимательских инициатив. Поколение 2025. URL: <https://pokolenie2025.com/v-v-putin-o-molodezhnoy-politike/> (дата обращения: 13.05.2019).

² Индексы социального самочувствия [Электронный ресурс] // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=176> (дата обращения: 05.03.2019).

известными из них являются В. В. Костюшев, который сосредоточил свое внимание на социальном протесте, его потенциале, репертуаре и дискурсе [3]. В. Я. Гельман в статье «Режим и граждане в условиях российского кризиса: уход, протест или лояльность?» рассматривает протесты в условиях электорального авторитаризма. К. Клейман в книге «От обывателей к активистам» проводит глубокий анализ протестной активности в современной России и выявляет причины зарождения в российском обществе активизма. Коллективная монография «Политика аполитичных» в соавторстве Алюкова М.Л., Ерпылева С.В., Желниной А.А., Журавлева О.М., Завадской М.А., Клеман К., Магун А.В., Матвеева И.А., Невского А.В., Савельевой Н.В., и Туровец М.В. на основе коллективного эмпирического исследования протестного движения в России в 2011–2013 гг., предоставляет анализ характера политической вовлеченности граждан в политические протесты [5].

Тем не менее вопрос об эффективности общественных движений, в частности протестных, встает на повестку дня. Тема эффективности является довольно сложным предметом для рассмотрения, так как примеров однозначных «историй успеха» в России не так много. Более того, намного легче сказать, когда какое-либо политическое движение или компания потерпели неудачу, так как можно проследить то, какие цели были поставлены и что получилось по факту. То есть можно говорить о том, что неудачу идентифицировать довольно просто, в отличие от того, как определить успех той или иной компании. Иными словами, сложно однозначно определить, какие именно изменения повлекла за собой та или иная акция, и как доказать, что именно эти изменения стали возможны благодаря гражданской активности. Кроме того, существует проблема интерпретаций: что одному кажется успехом, другим может трактоваться как поражение. Также необходимо учитывать определенный контекст, специфику режима. В разных политических контекстах разные явления будут достижением. В определенных условиях даже сам факт выживания движения или инициативы уже является успехом, а значит эффективным событием.

Немаловажным фактом в изучении протестной активности в России является региональный фактор, в различных регионах властные элиты реагируют по-разному. В одних регионах протестная активность имеет ярко выраженный характер, в то время как в других гражданский активизм носит довольно лояльный характер по отношению к действующей политической системе.

Существует несколько классических теорий эффективности общественных движений. Одна из самых цитируемых работ по данной теме является книга «Стратегия социального протеста» Уильяма Гэмсона. Исследователь выделил два результата общественных движений: во-первых, это какие-либо приобретения для той группы населения, в интересах которого выступает движение, а во-вторых, признание организации как легитимного актора выражения интересов групп. В зависимости от наличия двух составляющих, деятельность общественных движений приводит к различным результатам. То есть примером эффективности является получение привилегий и признание актора как легитимного игрока, способного выражать интересы различных групп [7]. Другой классической теорией по общественным движениям является книга «Движение бедных людей: почему они преуспевают, как они терпят неудачу» Ф. Пивена и Р. Клоуарда, где вводится понятие «подрывной власти» [9]. Авторы говорят о том, что единственным способом быть эффективным — это вести агрессивную политику путем выхода из системы власти и подрыва несправедливо устроенной системы отношений.

В 80-е годы утвердился другой подход в оценке эффективности общественных движений, который довольно часто используется и современными исследователями. Данный подход зачастую называют структурированным, так как в нем отдается ведущая роль структуре и политическим возможностям. Основателями этого

подхода являются Чарльз Тилли и Даглас МакАдам, которые считали, что для того, чтобы движение было эффективным, необходима определенная конфигурация политических сил и систем — «окно возможностей» [8], иначе движение обречено на поражение. Главной задачей протестующих является своевременное реагирование на появившуюся возможность.

Что касается восприятия политической идентичности молодого поколения России цитата К. Мангейма о том, что примитивные общества не знали интеллектуальных конфликтов молодежи, «поскольку там не было существенных расхождений между нормами поведения в семье и в обществе целом. Более конфликтное самосознание нашей молодежи является лишь отражением хаоса, существующего в нашей общественной жизни, а ее замешательство — естественный результат ее неопытности» [4], актуальна и по сей день.

Таким образом, можно говорить о том, что протесты 2017 г. в России не согласуются с классическими подходами в оценке эффективности. С точки зрения классиков протесты были абсолютно иррациональны и бесполезны, однако они имели место. Поэтому необходимы другие теоретические рамки и подходы, и угол рассмотрения для анализа протестной активности в России. Так как результаты протестных акций являются довольно противоречивыми, во многом даже бессмысленными, тем не менее они продолжают происходить, и протестный потенциал российского общества остается высоким. Поэтому необходимо понимать, как можно анализировать и осмыслять такие общественные движения.

Литература

1. Алферова А. Б., Патокина Е. А. Прогнозирование протестных настроений населения в связи с избирательной кампанией 2011–2012 гг. [Электронный ресурс] // Мониторинг. 2012. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prognozirovanie-protestnyh-nastroeniy-naseleniya-v-svyazi-s-izbiratelnoy-kampaniey-2011-2012-gg> (дата обращения: 05.03.2019).
2. Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России. М. : Три квадрата, 2010.
3. Костюшев В. В. Социальный протест в поле политики: потенциал, репертуар, дискурс (опыт теоретического понимания и эмпирической верификации) // Полис. Политические исследования. 2011. № 4. С. 144–157.
4. Мангейм К. Избранное. Диагноз нашего времени. М. : Центр гуманитарных инициатив, 2010.
5. Политика аполитичных: Гражданские движения в России 2011–2013 гг. : коллективная монография / Алюков М.Л., Ерпылева С.В., Желнина А.А., Журавлев О.М. и др.; ред. Ерпылева С.В., Магун А.В. М. : Новое литературное обозрение, 2014.
6. Саегараев А.Д. Политическая идентичность в России // Филология и культура. 2010. № 21. С. 140–143.
7. Социология общественных движений: учеб. курс / сост. В. Костюшев. СПб. : Высш. школа, 2009.
8. McAdam D. 1982. Political Process and the Development of Black Insurgency 1930–1970. Chicago : University of Chicago Press.
9. Piven F. F. Poor people's movements: why they succeed, how they fail kindle edition / F. F. Piven, R. Cloward // Pantheon Books, 1978.

Об авторе:

Аюшеева Дарима Амуровна, аспирант Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), dayusheeva@yandex.ru

References

1. Alferova A. B., Patokina E. A. Forecasting of citizens protest moods in relation to elections. 2011–2012, digital resource // Monitoring. 2012. N 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prog->

- nozirovanie-protestnyh-nastroeniy-naseleniya-v-svyazi-s-izbiratelnoy-kampaniy-2011–2012-gg. (In rus)
2. Kleman K., Miryasova O. Demidov A. From an average citizen to an activist. Incipient social movements in modern Russia. M. : Three squares, 2019. (In rus)
 3. Kostyushev V.V. Social protest in politic: potential, program, discourse (Experience of theory realization and empiric verification) // Political researches [Polis. Politicheskie issledovaniya]. 2011. N 4. P. 144–157. (In rus)
 4. Mannheim K., Selected Edition. Identification of our time : translation from English. M. :Center of human initiations, 2010. (In rus)
 5. Nonpolitical politic: Russian civil movements in 2011–2013 : monograph; Alyukov V. L., Erpyleva S. V., Zhelnina A. A., Zhuravlev O. M. at al.; ed. by Erpyleva S. V., Maun A. V. M. : New literature review, 2014. (In rus)
 6. Saegtarayev A. D. Political identity in Russia // Philology and culture [Filologiya i kul'tura]. 2010. N 21. P. 140–143. (In rus)
 7. Sociology of civil society movements: Course of study / content by Kostyushev V. SPb. : High School, 2009. (In rus)
 8. McAdam D. 1982. Political Process and the Development of Black Insurgency 1930–1970. Chicago : University of Chicago Press.
 9. Piven F.F. Poor people's movements: why they succeed, how they fail kindle edition / F.F. Piven, R. Cloward // Pantheon Books. 1978.

About the author:

Darima A. Ayusheeva, Post-graduate Student of North-West Institute of Management of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), dayusheeva@yandex.ru